

9(6...)
0-47

ОЗНОБИЦИН

Сибирский Понсар.

1864г.

Симбирскій пожаръ 1864 г.

1059353

(Разсказъ семейный, не для печатнаго обнародованія).

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ

Грибодовъ.

Лѣто было знойное. Безвѣтріе и бездождіе при 36° температурѣ на солнцѣ и даже иногда высшей этого томительно дѣйствовали на физическія силы cadaго: задыхались отъ жара и пыли, и только вечеромъ можно было подышать свѣжимъ воздухомъ. Стѣны домовъ были такъ горячи отъ солнечнаго накала, что нельзя было приложить къ нимъ руки. И вотъ въ эту страшную африканскую сушь, 13 августа, вспыхнулъ пожаръ на Дворцовой улицѣ. Говорили, что какая-то старообрядка, Зеленчуха, вздумала варить варенье нодъ навѣсомъ сѣновала; случайно искра зажгла сѣно, и нѣсколько домовъ купца Андреева сдѣлались жертвою пламени. Загоралась градская дума, въ правомъ крылѣ которой помѣщалась гражданская палата. Былъ въ опасности и домъ симбирскаго уѣзднаго предводителя дворянства В. П. Языкова. Но первую отстояла пожарная команда, явившаяся на помощь къ ней еще во время, и присутствіе на мѣстѣ пожара гражданскаго губернатора. Второй отстоялъ каретникъ Голубковъ, подоспѣвшій со своею пожарною трубою и рабочими. Древняя обитель спаскаго дѣвичьяго монастыря, палладіумъ города Симбирска, обитель, предшествовавшая его основанію, была въ большой опасности. Спасли ее на этотъ разъ усердныя молитвы инокинъ, вышедшихъ съ образами на встрѣчу огню, и направление вѣтра въ противоположную сторону. Стеченіе народа было необъятное, потому-что пожары въ Симбирскѣ дотолѣ, благодареніе Богу, были въ рѣдкость. Послѣдній припоминали назадъ тому за полгода: горѣлъ питейный домъ на Панской улицѣ, окруженный ветхими постройками, и, надо отдать честь пожарной командѣ, сгорѣлъ только одинъ питейный со своею стереотипною вывѣскою «Распивочно и навыносъ». Настоящій пожаръ былъ однако-жъ не маленькій: сгорѣло до девяти домовъ, и въ числѣ ихъ четыре каменные. Причиною этого былъ недостатокъ въ водѣ, въ ко-

торой Симбирскъ, расположенный въ средѣ двухъ рѣкъ, Волги и Сви-
яги, сильно нуждается, болѣе двадцати лѣтъ вздыхая объ устройствѣ
водопроводовъ, которые, какъ кладъ, ему не даются въ руки. Да и до
водопроводовъ-ли было Симбирску? Благодѣтельные преобразованія,
начиная съ эмансипаціи и оканчивая земствомъ, поглощали всю дѣя-
тельность администраціи. Жалкая дѣйствительность повседневнаго бы-
та отъ нея ускользала. При скудномъ пособіи едва движущихся во-
зовозовъ на тощихъ лошаденкахъ, въ гору за 5 верстъ привозящихъ
воду изъ р. Свиаги, пожаръ, начавшійся въ полдень, былъ погашенъ
къ вечеру, и то съ содѣйствіемъ солдатъ, призванныхъ на помощь.
Пожаръ этотъ замѣчателенъ по двумъ случаямъ: въ числѣ погорѣв-
шихъ домовъ былъ одинъ, занимаемый квартирою исправляющаго дол-
жность губернскаго прокурора; чиновники его не дали сгорѣть ничему
изъ его имущества: все было вынесено ихъ похвальнымъ усердіемъ.
Примѣръ преданности къ начальнику, не часто встрѣчаемый!.. Второй
случай носить на себѣ отпечатокъ германскаго флегматизма. Хозяинъ
одного горѣвшаго дома, старикъ, родомъ нѣмецъ, не приказалъ ничего
выносить изъ него, заперъ всѣ двери на ключъ и въ безмолвіи смо-
трѣлъ, какъ пылало все его послѣднее достояніе. Было-ли это слѣд-
ствіемъ безнадежнаго отчаянія растерявшагося человѣка, или добле-
стное мужество, достойное Муціа Сцеволлы,—это осталось неразга-
даннымъ.

Наконецъ народная толпа разошлась. При ночной темнотѣ ды-
милась обгорѣлые остоны строеній и обуглившіяся кучи имущества. Въ
виду ихъ поставлены были двое часовыхъ, но вся пожарная команда
разѣхалась по частямъ своимъ. Да, разѣхалась въ буквальный
значеніи этого слова, вѣроятно утомленная необыкновенною своею
дѣятельностью, и вмѣстѣ со своимъ полицейскимъ начальникомъ пре-
далась сладкимъ объятіямъ Морфея. На пожарищѣ не осталось ни
одной трубы пожарной, ни одной бочки съ водою! Это покажется
невѣроятнымъ, но однако-жъ это было! Всероссійская безпечность
проявилась здѣсь во всемъ своемъ блескѣ!

И вотъ въ самую полночь загорѣлись холодныя строенія купцовъ
Репьева и Кирпичникова. Послѣдній, симбирскій городской голова, былъ
въ то время въ отлучкѣ, на нижегородской ярмаркѣ. Сказываютъ, что
виною этого пожара былъ злонамѣренный поджогъ. Видѣли будто-бы
въ полицейской каланчи, подлѣ сихъ домовъ стоящей, двоихъ людей
въ одно время зажигавшихъ холодныя строенія на задахъ этихъ двухъ
домовъ стоящія. Кромѣ полицейскихъ замѣтили будто-бы ихъ и ча-
совые, но они не могли отлучиться съ своего поста: ловить было не
кому! Не знаю, насколько это правдоподобно. Но между тѣмъ ни

бочки съ водою, ни трубы пожарной подъ рукою! Ударили въ набат! Пока пріѣхали полицейскія части, уже не холодныя строенія, а двѣ большіе двух-этажныя каменные дома пылали какъ-бы для новой потѣхи зрителямъ. Оба дома сгорѣли по недостатку въ водѣ и негодности пожарныхъ трубъ: четыре изъ числа ихъ сломались на этомъ пожарѣ. Такъ прошла ночь съ 13 на 14 августа. Послѣ этого пожарныя сдѣлались осторожнѣе и оставались долѣе на мѣстахъ погорѣлыхъ.

Магазинъ городского головы Кирпичникова съ брилліантовыми золотыми и серебряными вещами, помѣщавшійся въ особой отъ дома его палаткѣ съ каменнымъ сводомъ, былъ спасенъ тѣмъ, что при началіи пожара окна его заложили кирпичемъ. Къ нему приставлены были часовые; находились при немъ и пожарная команда съ жандармами. Послѣдніе были необходимы, чтобы воздержать пылокое усердіе нѣкоторыхъ лицъ, явившихся съ желѣзными ломami будто-бы для спасенія вещей, хранящихся въ каменной палаткѣ. И при этомъ второмъ пожарѣ никто не былъ забираемъ въ полицію по подозрѣнію въ умышленномъ поджогѣ. Начальство было твердо убѣждено, что пожаръ произошелъ отъ неосторожности, что вѣтромъ раздуло тлѣвшія кучи пожарища, и это было болѣе чѣмъ правдоподобно. Народная молва утверждала, по какому-то предчувствію, противное, и мало на нее обращали вниманія.

Съ 14 на 15 августа, вечеромъ часовъ около восьми, какъ только начали съѣзжаться въ дворянское вечернее собраніе, вновь раздались крики: «пожаръ! пожаръ!» и быстро огромное зарево освѣтило весь городъ. Думали, что пылаетъ магазинъ Кирпичникова съ соблазнительными брилліантовыми вещами, но не надъ нимъ разстилалось пламя. Горѣла Лосева улица, одна изъ самыхъ людныхъ частей города, за мостомъ или дамбою, гдѣ бываетъ базаръ, тѣсная, съ деревянными сплошными постройками. Въ короткое время занялся цѣлый кварталъ. Пожарная команда, обезсиленная двумя предыдущими пожарами, дѣйствовала вяло и не могла дѣйствовать иначе: обширно было пространство, огнемъ охваченное. Не только три части пожарныя, но и десять, если-бы оныя были, ничего не могли-бы сдѣлать. Много въ эту ночь погорѣло. Крикъ, плачъ и вопли бѣдствующихъ теперь еще живы въ моей памяти. Къ утру пожаръ прекратился; было тихо; сгорѣло все, что было близко; остальное спасли улицы... Причину пожара приписали также неосторожности. Говорили, что будто бы хозяинъ одного трактирнаго заведенія съ своимъ работникомъ, пьяные легли въ сараѣ въ сани, курили трубки и полусонные зарождали искру, потому-что пожаръ начался съ нежилого строенія. О, золотая безпечность! Счастливая довѣрчивость! Какъ дорого вы намъ

послѣдствіе обошлись! Въ этотъ день однако-жъ обращено было вниманіе на безпаспортныхъ, и сказываютъ, что до 80 человѣкъ карманниковъ и бродягъ, которыми снабжаютъ насъ вмѣстѣ съ другими риволжскими городами желѣзныя дороги и пароходы, принимающіе съхъ безъ требованія вида, были схвачены полиціею. Народный голосъ между тѣмъ громко винилъ солдатъ въ злонамѣренномъ поджогѣ. Говорили, что многіе изъ солдатъ поляковъ бѣлевскаго полка и изъ имбирскаго гарнизоннаго батальона, въ послѣднее время до пожара сильно заподозрѣнныхъ въ частыхъ случавшихся въ городѣ воровствахъ, ни разу впрочемъ не раскрытыхъ, разбѣжались, и что не мѣшало-бы сдѣлать имъ общій смотръ и перекличку для того, чтобы обѣдиться въ дѣйствительности ихъ побѣга. На этотъ народный гогоръ, какъ и на прежніе, не было обращено вниманія.

Утромъ 15 августа сильно дымилось еще пожарище въ Лосевой улицѣ. Повѣщено было собраться всѣмъ домовладѣльцамъ въ 6 часовъ вечера въ градскую думу для совѣщаній и принятія дѣятельныхъ средствъ противъ пожара. Давно нужно было объ этомъ подумать. Внойный день прошелъ однако-жъ при совершенномъ безвѣтріи покойно.

Въ 7 часовъ вечера собралось въ думу болѣе 120 человѣкъ домовладѣльцевъ разныхъ сословій. Спорили, голословили, всякій предлагалъ свое мнѣніе, считая его лучшимъ. Но толку никакого не вышло, не пришли ни къ какому результату. Наконецъ положили избрать изъ среды себя двѣнадцать человѣкъ въ родѣ депутатовъ и предоставить имъ обдумать средства, чтобы обезопасить городъ отъ дальнѣйшихъ пожаровъ. На городскую полицію надѣялись мало. Еще болѣе недовѣрія выказывалось къ солдатскимъ ночнымъ патрулямъ, дѣлающимъ обходъ по городу въ ночное время. Предположено было, чтобы два или три домовладѣльца изъ людей благонадежныхъ были непременно присоединены къ обходу по каждой части города. Высказаны были и другія требованія, весьма практичныя, подлежащія немедленному выполненію, какъ-то: выписка новыхъ благонадежныхъ пожарныхъ трубъ, наемка сотни рабочихъ постоянныхъ для бытія на пожарахъ съ бобрами, топорами, ведрами и проч., освѣщеніе города фонарями въ темныхъ улицахъ, запрещеніе ходить ночью по тротуарамъ, а только по срединѣ улицы, увеличеніе платы водовозамъ. Собраніе разошлось изъ думы, оставя въ ней избранныхъ въ тотъ-же вечеръ депутатовъ, которые далеко за полночь всѣ придуманныя ими предположенія изложили на бумагѣ, чтобы представить къ утрунному засѣданію градской думы для окончательнаго ихъ всѣми вообще домовладѣльцами утвержденія и подписи. Медлить было не время.

Августа 16 передъ раннимъ обѣдомъ собрались всѣ въ градскую думу, готовясь слушать предположенія депутатовъ. День былъ тихій и знойный, какъ и предыдущіе. Въ самый разгаръ засѣданія вошелъ въ залу гражданскій губернаторъ. Его никѣмъ неожиданное появленіе всѣхъ удивило. Всѣ встали съ своихъ мѣстъ и окружили его въ молчаніи. Онъ былъ въ вицмундирѣ съ звѣздою, какъ видѣли его на всѣхъ пожарахъ, дотолѣ бывшихъ. Но блѣдное изнеможенное лицо свидѣтельствовало, что много бессонныхъ ночей проведено имъ въ душевной тревогѣ. Онъ хотѣлъ говорить стоя, физическія силы ему измѣнили, и невольно долженъ онъ былъ присѣсть на скамью стоявшую у стѣны близъ балкона, выходящаго на дворцовую площадь. — «Извините меня, господа, — сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ — что я не могу стоя говорить съ вами. Но мнѣ нужно было васъ видѣть и просить вашего содѣйствія. Не буду распространяться о дѣлѣ ствіяхъ здѣшней полиціи: скудныя средства ея вамъ извѣстны. А вѣрой пожаръ, бывшій въ городѣ, не оправдываетъ ея безопасности. теперъ не время судить объ этомъ. Нужна ваша дѣятельная помощь и я увѣренъ, что вы мнѣ въ ней не откажете, этого требуетъ общественная ваша польза». Здѣсь онъ представилъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя могли-бы быть спасительны въ настоящемъ бѣдственномъ случаѣ: наполненіе огромныхъ уличныхъ чановъ водою, холщевые шпалеры для покрышки сосѣднихъ къ пожару строеній и проч. Онъ говорилъ краснорѣчиво и съ убѣжденіемъ. Всѣ присутствующіе признали мѣры имъ предлагаемыя весьма полезными. Нѣкоторыя изъ нихъ уже раньше были предусмотрѣны и представлены депутатами думы общему собранію домовладѣльцевъ, которые не скрыли отъ г. начальника губерніи своего недовѣрія къ солдатскимъ ночнымъ патрулямъ. Всколь губернаторъ удалился, и дума вновь приступила къ обсужденію мѣръ противъ пожаровъ. Предположено было ходатайствовать у начальника губерніи о немедленномъ отпускѣ двухъ или трехъ тысячъ рублей серебромъ изъ городскихъ доходовъ на экстренныя по городу издержки. Было много и другихъ предположеній, требующихъ разрѣшенія начальства: всѣ они были утверждены единодушною подписью всѣхъ присутствующихъ. Не время было заводить споры. Прибавлю, что не въремя было ждать и разрѣшеній, а надлежало откинуть бюрократію тотчасъ подъ личною отвѣтственностью дѣйствовать. Всѣмъ этимъ благимъ предположеніямъ не суждено уже было осуществиться.

Вечеромъ 16 августа загорѣлся домъ купца Завьялова на Большой улицѣ, и огонь быстро охватилъ нѣсколько домовъ. Съ трудомъ могли остановить всепожирающее пламя. Такъ прошла длинная, мучительно безконечная ночь для бѣдныхъ жителей Симбирска. Къ утру

жаръ казалось утихъ. Но вотъ 17 августа послѣ обѣда вспыхнуло
жилое недостроенное зданіе купца Бѣляева на Покровской улицѣ.
говорятъ, что тамъ были найдены двѣ неразорвавшіяся ручныя гра-
ты въ родѣ орсиньевскихъ, что не подтвердилось. Отысканы были
нюшенныя метлы, въ которыя натыканы были между прутьями фос-
форныя спички. Весь дворъ Бѣляева наполненъ былъ щепой и раз-
ными стружками: во флигелѣ онаго помѣщалась столярная. Схваченъ
былъ какой-то пьяный мужикъ, и у него найдены письма на языкахъ
немецкомъ, французскомъ, итальянскомъ и польскомъ, и вслѣдствіе
этого распространился слухъ, что главный виновникъ поджога былъ
скрытъ. На повѣрку-же оказалось при разборѣ дѣла, что это дѣй-
ствительно былъ простой пьяница, а разная переписка, при немъ най-
денная, была имъ схвачена на пожарищѣ и составляла семейную не-
печальную переписку княгини Дадьянъ, помѣщавшейся въ домѣ Бѣляева.
Въ смотра однако-жъ на это, всѣмъ наконецъ сдѣлалось ясно, что
пожары были не случайные, а преднамѣренныя, что злоумышленники
хотѣли испепелить весь городъ во что-бы то ни стало. Пошли хо-
дить слухи о подметныхъ письмахъ къ губернатору и къ нѣкоторымъ
важнымъ лицамъ. Позднее утѣшеніе къ раскрытію истины! Что-же
до сихъ поръ дѣлали полиція и жандармы? Говорили вслухъ, что
это поляки и подкупаютъ для поджога русскихъ бездомниковъ, что
это была кровавая месть за Иваницкаго, казненнаго въ Казани. Но
то-же были эти поляки? Какимъ образомъ могла такъ долго и такъ
кусно таиться нить этого адскаго заговора? До сихъ поръ это
остается неразгаданнымъ.

Пожаръ былъ скоро остановленъ, разумѣется, также съ пожертво-
ваніемъ не одного, а многихъ домовъ. Чудомъ спасся домъ дѣйстви-
тельнаго совѣтника С. П. Глинки. Но въ виду его едва не случилось тра-
гической драмы. Командиръ гарнизоннаго баталіона Бендерскій верхомъ
съ нагайкою въ рукѣ вздумалъ было разгонять съ тротуара народ-
ную толпу, но едва самъ успѣлъ спастись и ускакать отъ ярости на-
ходной. Благодареніе Богу, никакихъ сценъ буйства не случилось. Громъ
и ругательствами выразилъ народъ свое неудовольствіе противъ
офицеровъ, и улица, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, вдругъ
утихла. Остались на ней одни пожарные и солдаты.

Августа 18 вновь пожаръ на рѣкѣ Свѣягѣ рано утромъ разбудилъ
грабаннымъ боемъ истомленныхъ и перепуганныхъ жителей. Къ сча-
стью, онъ скоро былъ потушенъ. Спустя немного времени загорѣлись
здания Стрѣлецкая, Мартынова, Штальная и нѣкоторыя другія. Горѣ-
ло уже не дома, а цѣлые кварталы объаты были пламенемъ. Тутъ
гибъ и прекрасный домъ архіерейскій съ домовою крестовою цер-

ковью, домъ нѣкогда принадлежавшій богатому роду Ивашевыхъ кон-
систерія, воздвигнутая незабвеннымъ преосвященнымъ симбирскимъ и
сызранскимъ Θεодотіемъ, домъ А. М. Языкова. Но всѣхъ не исчислишь!
Еще не успѣлъ пожаръ этотъ кончиться, какъ при сильномъ вѣтрѣ
вдругъ около полдня поднялись въ разныхъ мѣстахъ пожары: горѣло
за оврагомъ около шепного ряда, занималось строеніе около дворян-
скаго собранія, но было потушено, сгорѣла дворцовая Николаевская
церковь. Вечеромъ того-же злополучнаго дня уже пылала градская
дума съ гражданскою палатою и вмѣстѣ съ нею стоящій на дворцовой
площади домъ купца Хапкова, гдѣ помѣщался предсѣдатель граждан-
ской палаты В. Н. Араповъ, успѣвшій весьма немного вынести на
площадь; но и то, что было имъ вынесено, сдѣлалось на слѣдующій
день жертвою пламени. Горѣлъ прекрасный домъ В. П. Языкова, од-
нажды спасенный Голубковымъ; но въ настоящее время ничто уже не
могло спасти его. Пылала вся Казанская улица. Вѣтеръ былъ сильный,
и казалось, весь городъ обреченъ былъ на гибель. Страшное зарево
стояло надъ двухсотлѣтнимъ Симбирскомъ, и огненные языки съ гу-
стымъ дымомъ врывались въ небо. Такъ прошла и эта страшная ночь,
которую симбиряне долго будутъ помнить. Болѣе чѣмъ въ семи мѣ-
стахъ были поджоги!

Наступило 19 августа Пронеслась по городу роковая вѣсть, что
подкинута письмо къ каретнику Голубкову на Чебоксарской улицѣ,
что непременно въ этотъ день сгорѣтъ его дому. Обыватели-сосѣди
сами по себѣ устроили около него караулъ. Утромъ уличные маль-
чишки видѣли мужчину, переодѣтаго въ женское платье, обмазыва-
вшего стѣну какою-то воспламеняющеюся на солнцѣ жидкостью. По-
няли крикъ, но эта женщина успѣла скрыться. Замѣтили съ такимъ
же продѣлками солдата въ сѣрой шинели. Всѣ пустились въ погоню,
но онъ кинулся во дворъ лѣсопромышленника Сахарова на Панской
улицѣ и скрылся между бревнами и во множествѣ свезеннаго и слѣ-
женнаго тамъ лѣса. Всѣ поиски найти его оказались напраснымъ.
Между тѣмъ домъ, гдѣ квартировалъ каретникъ Голубковъ, вспыхнулъ
при сильномъ вихрѣ. То былъ не вѣтеръ, а какой-то сильный, бур-
ный ураганъ, крутившій все, что ни попадалось ему на встрѣчу. Пыль,
дымъ, огонь—все смѣшалось въ одинъ сплошной, широкій, огненный
всеистребляющій столбъ, такъ что на разстояніи аршина ничего нельзя
было видѣть. Не было возможности удержаться на ногахъ при ужас-
ныхъ порывахъ бурнаго вѣтра, да и ноги не находили земли подъ
собою! Горѣли тротуары, пылали стѣны, обнимались яркимъ пламенемъ
улицы Панская и Чебоксарская. Горѣли каменные ряды, склады съ угля-
номъ и спиртомъ. Горѣла Конная. Позднѣе запылалъ домъ губернт.

торскій съ своею обширною канцелярією, съ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, гдѣ истреблены огнемъ болѣе тысячи уставныхъ грамотъ. Горѣлъ великолѣпный домъ дворянства съ своею артистическою, созданною даровитымъ архитекторомъ Бенземаномъ бальною залою, съ Карамзинскою библіотекою, куда усердіемъ согражданъ были вложены многія рѣдкія изданія, съ дворянскимъ собраніемъ или клубомъ—центральной пріютомъ для вечеровъ дворянскихъ, съ депутатскимъ собраніемъ, гдѣ погибли всѣ книги о древнихъ родахъ дворянства, *) съ квартирою губернскаго предводителя А. И. Ермолова, который, равно какъ и гражданскій губернаторъ, ничего не спасли изъ квартиръ своихъ: все, что было вынесено, сдѣлалось жертвою пламени. Горѣли присутственныя мѣста съ губернскою чертежною, казенная и уголовная палаты съ своими дѣлами и архивами, казначейство, котораго подвальные окна, къ счастью, успѣли заложить кирпичемъ и тѣмъ спасли хранившіяся въ немъ суммы отъ гибели: выносить что-либо не представлялось никакой возможности. Горѣли гимназія, благородный пансіонъ, елизаветинское и маріинское училища, спасскій дѣвичій монастырь... Вознесенскій соборъ послѣднимъ унылымъ звономъ колоколовъ возвѣстившій свою гибель... Горѣлъ комиссаріатъ съ огромнымъ складомъ суконъ. . Обширные провіантскіе амбары съ хлѣбомъ... Горѣли лучшіе дома частныхъ людей, аптеки, мясные ряды, погреба, пекарни и булочныя... Однимъ словомъ, все слилось въ необъятное все пожирающее пламя, въ которомъ при пороховыхъ взрывахъ (я насчиталъ ихъ до трехъ) заглушались и крики, и стоны, и вопли жертвъ погибшихъ. Сказываютъ, что много въ этотъ день сгорѣло народу и взрослыхъ и малолѣтнихъ; много семействъ растерялось, бѣгая и задыхаясь отъ жара и дыма въ этомъ быстромъ потокѣ огненной лавы и въ слѣдующіе затѣмъ дни полные отчаянія отыскивали другъ друга, натыкаясь на почернѣвшіе, обезображенные огнемъ трупы и съ ужасомъ отбѣгая отъ нихъ прочь, боясь признать въ этихъ обгорѣлыхъ останкахъ сходство съ утраченными, но милыми ихъ сердцу существами. Можно сожалѣть, но не дивиться, что нѣкоторые изъ лицъ, признанныя за поляковъ, пали жертвою народной мести и были брошены въ огонь или убиты. Тысячи людей теряли свою собственность, свой послѣдній дорогой для каждого теплый уголь, свой насущный кусокъ хлѣба, теряли съ наслѣдіемъ дѣдовъ достояніе, приобретенное тяжкимъ трудомъ цѣлой своей жизни. Сохраненное вѣками исчезало въ одно мгновеніе и безвозвратно. Но лучше накинemъ завѣсу на эту картину неумолимой ярости народа... Страданія того были велики. Я самъ, перебравшись 18 числа съ имуществомъ

*) Кромѣ 1-ой и 6-ой частей, случайно спасенныхъ римляч. С. У. Ар. К-ин.

моимъ на больничную площадь, былъ не разъ безмолвнымъ и грустнымъ свидѣтелемъ отчаянія растерявшихъ свое имущество. И теперь еще какъ будто-бы вижу передъ собою коротко знакомаго мнѣ престарѣлаго священника, ищущаго жену свою. Не было слезъ въ помутившихся очахъ страдальца, не сокрушался онъ о потерѣ дома со всѣмъ имуществомъ. Лепеталъ языкъ одно драгоценное для него имя, и невольные стоны вырывались изъ разбитаго сердца: это была глубокая, невыразимая скорбь, которую ничто передать не въ состояніи, скорбь неземная, выше человѣческой. Что могъ-бы я сказать ему въ утѣшеніе? Чѣмъ утолить это тяжкое горе, когда и сама вѣра была безсильна подавить ее. Я взялъ его за руку: она была холодна, какъ ледь, между тѣмъ какъ голова его замѣтно горѣла. Просилъ его успокоиться, предлагалъ ему вмѣстѣ съ нимъ начать поиски. Онъ, какъ безумный, отрицательно покачивалъ головою. Съ великимъ трудомъ усадилъ я его на мимоѣхавшую телѣгу, уговорилъ вощика везти его въ то мѣсто, которое укажетъ ему священникъ. Нѣтъ, нѣтъ! никогда не забуду я этого сердце раздирающаго зрѣлища!.. А такихъ было много.

Болѣе полгорода вмѣстѣ со мною вывезло свое имущество въ сѣдство къ городскимъ больницамъ. На разстояніи двухъ или трехъ верстъ раскинуто было въ безпорядкѣ достояніе каждаго. Тутъ были и мебель, и экипажи, и старая рухлядь. Всякій, выбираясь спѣшно изъ своего дома, хватался за то, что было подъ рукою, не разбирая цѣнности самой вещи. Да и не до того было. Надобно было заботиться не объ одномъ имуществѣ, но и о спасеніи собственной жизни. Была ужасна эта картина, когда тысячи семействъ безпріютныхъ и голодныхъ раскинулись огромнымъ цыганскимъ табаромъ безъ палатокъ, подъ открытымъ небомъ, посреди широкой площади и по полямъ вдоль тянувшимся, всякій у своей кучки спасеннаго имущества. Вечеръ былъ свѣжій, но нигдѣ самоваръ не дымился, хотя ихъ и было на возахъ много; нигдѣ не курились ни сигара, ни папироска: такъ всѣ еще были напуганы огнемъ, котораго огромное зарево стояло надъ горящимъ городомъ, претворивъ ночь въ какой-то красно-мѣдный день и придавая всѣмъ лицамъ кочующихъ на площади смуглый блескъ и оттѣнокъ дикихъ караивовъ. Слышенъ былъ трескъ разрушающихся строеній, и когда временно затихало, то страшнѣе пороховые взрывы вдругъ и внезапно оглашали воздухъ. Злоумышленники не дремали. Сказываютъ, что во многихъ мѣстахъ были порохомъ осыпаны улицы, чтоюю огненною тропкою зажечь и отдѣльно, казалось, въ безопасности стоявшія зданія. Вотъ въ небесной вышинѣ вдругъ, какъ звѣздочка, ярко засвѣтилась глава свято-троицкаго холоднаго собора, котораго

первый камень въ воспоминаніе изгнанія галловъ въ 1812 году положенъ былъ въ основаніе самимъ Александромъ Благословеннымъ, гдѣ хранились знамена ополченій двухъ эпохъ совершенно различныхъ. Погибла драгоценная всѣмъ святыня, и невольно вырвались слезы у каждаго русскаго при этомъ грустномъ зрѣлищѣ. Это былъ девятый или десятый храмъ православный, разрушенный въ эту несчастную седмицу, гдѣ суждено было Симбирску, возникшему въ 1648 году, если не навсегда, то надолго схоронить въ развалинахъ судьбу свою.

Другое зрѣлище болѣе трогательное, глубже потрясающее душу, видимо было въ это время въ противоположной части города, на Вѣнцѣ, тамъ, гдѣ за рабочимъ домомъ открывается площадь—постоянный пріютъ балаганщиковъ и фокусниковъ, пріѣзжающихъ въ Симбирскъ въ зимнее и лѣтнее время года. На этой площади болѣе двухъ тысячъ народа всякаго возраста и пола снесли свои бѣдные пожитки, никакъ не подозревая, чтобы тотъ отдаленный уголокъ Симбирска могъ подвергнуться пожару. Между тѣмъ именно эту часть города обнялъ пламень, и, вспыхни только рабочій домъ, не только бы ничего изъ имущества, сложенного позади его, спасено не было, но погибли-бы и всѣ тысячи людей, которые на ней тѣсно расположились, спастись было некуда. Уже отчаяніе овладѣвало несчастными, видя страшные порывы и направленіе огненной бури. Слышны были громкія, слезныя рыданія, раздавались отовсюду вопли о помощи. Никто не могъ подать ее. Но вотъ явился священникъ съ запасными дарами, спасшійся изъ близъ горѣвшей церкви св. Іліи, отецъ Павелъ **). Многихъ приобщилъ онъ ими, многихъ приготовилъ онъ къ близкой смерти, напутствуя утѣшительнымъ словомъ, когда всякая надежда на спасеніе исчезла. Въ эту-то роковую минуту совершенъ былъ великій, мало кѣмъ замѣченный подвигъ, избавившій (какъ передалъ мнѣ послѣ одинъ изъ бывшихъ въ числѣ этихъ несчастливцевъ) столь многихъ отъ неминуемой гибели. Смотритель рабочаго дома Семеновъ, не имѣя никакихъ полицейскихъ средствъ къ защитѣ отъ пожара ввѣреннаго ему исправительнаго заведенія, рѣшилъ дать свободу своимъ арестантамъ, которые всѣ единодушно вызвались помочь ему и честно сдержали свое слово. Сказываютъ, что всѣ они въ числѣ сорока человѣкъ бросились на крышу, постоянно заливая ее водою, отъ сыпавшихся на нее каскадами искръ и летящихъ галекъ, не давая ей загорѣться. Нѣсколько часовъ сряду работали они подъ огненнымъ дождемъ, ихъ заливавшимъ, руководимые примѣромъ своего смотрителя. Работали утомимо и спасли тюрьму свою, въ которую по окончаніи пожара № 10 юль сами возвратились. Ни одинъ изъ нихъ не подумалъ о побѣгѣ,

**) От. Охотинъ, въ послѣдствіи Кафедральный протоіерей.

хотя выполненіе онаго было очень возможно и могло-бы остаться безслѣднымъ при бывшемъ въ то злополучное время въ городѣ безначаліи и пожарной суматохѣ. Слава и честь Семенову! Хвала и арестантамъ: они были дѣятельнѣе градской полиціи.

Но и этимъ несчастнымъ днемъ бѣдствія Симбирска еще не кончились. 20 числа августа весь городъ еще дѣпелился отъ бывшего наканунѣ страшнаго пожара, въ которомъ была истреблена телеграфная станція, губернская почтовая контора, занимавшая домъ огромный, нѣкогда принадлежавшій дворянству и замѣчательный въ историческомъ отношеніи—временнымъ въ немъ пребываніемъ у перваго домовладѣльца купца Пустынникова Императрицы Екатерины II-й. Сгорѣли обѣ типографіи—казенная и частная. Однимъ словомъ погорѣло все то, что заявляетъ дѣятельную жизнь города и связуетъ его съ общою государственною жизнью. Прекращены были всѣ средства сообщенія и передачи извѣстій. Существованіе города какъ-бы прекратилось. Догорало еще много домовъ частныхъ и казенныхъ. Но всего не исчислить: гораздо легче назвать то, что осталось, нежели рассказать о томъ, что погибло, потому что, за малымъ исключеніемъ, погибъ весь городъ. Однихъ застрахованныхъ зданій истреблено на нѣсколько милліоновъ. А что погибло имущества, того и десятокъ милліоновъ едва ли покроетъ.

Утро было свѣжее, осеннее. Дымъ выгорающаго города относилъ вѣтромъ въ гору. Больничная площадь съ ранней зори представляла оживленную картину какого-то откочевавшаго народа всѣхъ возрастовъ и обоего пола въ разнохарактерныхъ фантастическихъ костюмахъ. Многіе были весьма легко одѣты; только нѣкоторые въ тулупахъ, а прочіе кто въ ветхомъ халатѣ, кто въ щеголеватомъ кринолинѣ. Томительная, послѣдняя ночь проведена была безъ сна. Всякій караулилъ свои скудные пожитки. И, не смотря на это напряженное бодрствованіе, проявляющееся въ заспанныхъ глазахъ, не взирая на постоянную перекличку одной группы кочующихъ горожанъ съ другой, было посягательство на кражу со стороны карманщиковъ. Одного мошенника схватили съ поличнымъ и отвели въ полицію. Вотъ задымились кое-гдѣ самовары, наполнились чашки чаемъ, бережно вынимались изъ салфетки куски вчерашняго случайно сбереженнаго хлѣба: было еще чѣмъ утолить и жажду и голодь. На долго-ли? Болѣе шести тысячъ народа разбросано было подъ открытымъ небомъ, безъ всякаго крова, безъ всякой надежды достать гдѣ-либо въ скорости печенатъ хлѣба, безъ теплой одежды при близкой осенней стужѣ. Голодь, нужда и болѣзнь—все это было въ близкой перспективѣ, въ мощи ни откуда. Даже извѣстить объ этомъ людей сострадателъ

не было средства: ни телеграфа, ни почты, ни даже подводы благонадежной. Ужасное, безвыходное положение! Сердце обливается кровью, как только вспомнишь объ этомъ.

Августа 20 пущень былъ въ народѣ слухъ, что будто-бы найдено подметное письмо, въ которомъ зажигатели, похвалявшіеся сдѣлать изъ Симбирска чистое, удобное для пашни поле, извѣщали, что они понатѣшились въ волю, и лаконически объявляли: «Будете насъ помнить. Довольно съ васъ. Чертъ съ вами! Отправляемся въ Нижній: тамъ у насъ не кончены расчеты. Воротимся черезъ двѣ недѣли. Прощайте». Не взирая на такой дерзкій и нахальный вызовъ, можетъ быть и выдуманный, не было полиціей обращено вниманія ни на отъѣзжающихъ сухопутно, ни на отплывающихъ въ этотъ день и въ послѣдующіе съ пароходами. Полиціею какъ-будто овладѣли безнадежное отчаяніе и глубокое сознаніе своего безсилія.

Въ этотъ день, передъ выѣздомъ моимъ изъ Симбирска (за большія деньги досталъ я себѣ лошадей) заѣхалъ я въ отпустѣлый домъ мой. Стѣны его были голы. Ни стола, ни стула. Однѣ изразцовыя печи выдавались наружу, рѣзкою бѣлизною своею отдѣляясь отъ темныхъ стѣнныхъ обоевъ. На паркетномъ глянцевитомъ полу валялись кое-какія забытыя второпяхъ коробки. Изъ цѣльныхъ зеркальных бемскихъ стеколъ, вставленныхъ въ дубовыя полированные оконныя рамы съ бронзовыми петлями и задвижками, виднѣлось вокругъ по улицамъ страшное пожарище. Но ни души человѣческой! Все какъ будто вымерло. Здѣсь съ семьей моей напился я въ послѣдній разъ чаю, сидя на окнахъ, и, помолясь Богу, со слезами на глазахъ, простился съ моимъ мирнымъ уголкомъ, который не суждено уже было мнѣ увидѣть. Не спасли его и деньги, оставленныя мною смотрителю дома для наемки рабочихъ и водовозовъ: ничтожныя средства пожарной команды я видѣлъ. Черезъ день послѣ моего отъѣзда пожаръ до тла истребилъ его. Онъ былъ послѣднею какъ-бы очистительною жертвою этой страшной катастрофы. Это было 21 августа. Вновь вспыхнулъ пожаръ на Большой-Конной. Много было схвачено подозрительныхъ людей, въ томъ числѣ горнисты, будившія рожкомъ на тревогу и вмѣстѣ съ тѣмъ обмазывавшія стѣну воспламеняющимся на солнцѣ фосфорнымъ составомъ. Были до безконечности разнообразны средства, употребляемыя злоумышленниками. Ими переполнены были остроги. Тавно слѣдовало-бы принять противъ нихъ мѣры. На присутствіе негодяевъ въ самой средѣ города и въ большомъ числѣ указывали случаи поверхностно исчисленные въ статьѣ симбирянина, напечатанной въ № 193 «Московскихъ вѣдомостей» текушаго года.

Но спѣшу докончить разсказъ мой. Вспыхнувшій пожаръ истре-

билъ канцелярію архива бѣлевскаго полка и еще нѣсколько частныхъ домовъ, которые погибли единственно по недостатку въ водѣ, и должно сказать, почти безпомощные. На этомъ пожаръ и остановился, пощадивъ въ городѣ немногіе и то не лучшіе дома, можетъ быть, какую-либо седьмую долю, какъ будто-бы для того, чтобы они свидѣтельствовали будущимъ временамъ о томъ несчастномъ событіи, которое испепелило городъ Симбирскъ, пострадавшій въ мирные дни свои болѣе, чѣмъ Севастополь отъ ополчившейся Европы, и вынесшій съ меньшими потерями бунты Стеньки Разина и пугачевскій.

Я описалъ вамъ симбирскій пожаръ, какъ очевидецъ. Но я не могъ всего видѣть, не имѣлъ возможности повѣрить на мѣстѣ и того, что было мнѣ передано. Иное можетъ быть и не исторически вѣрно. Схватывалъ на лету народные слухи, которые уже много утратили своей животрепещущей свѣжести и силы, облекаясь въ неподвижное письменное слово. Быть можетъ, спросите вы меня, кого обвиняетъ народъ въ этомъ страшномъ бѣдствіи? Общій говоръ винить поляковъ. Но это еще не раскрыто, хотя толковъ и много. Общественное мнѣніе порицаетъ размѣщеніе польскихъ новобранцевъ между добрыми русскими солдатами, что выразилось весьма рѣзко и въ недовѣріи гражданъ къ ночнымъ патрулямъ.

Невольно призадумается, глядя на измѣнчивость судьбы, выпавшей на долю Симбирска. Не прошло еще года съ того вѣчно незабвеннаго времени, когда Симбирскъ въ своемъ праздничномъ уборѣ, въ блестяхъ торжественныхъ иллюминацій, полный сердечнаго одушевленія и вѣрноподданнической преданности къ Царственному Дому, въ изукрашенныхъ коврами стогнахъ своихъ встрѣчалъ Государя Цесаревича, оглашая три дня сряду воздухъ своими радостными, сердечными кликами, ловилъ съ любовію и взглядъ, и каждое слово Царскаго Первенца, несказанно обрадованный Его милостивымъ вниманіемъ и драгоценнымъ посѣщеніемъ. Не минуло еще года, и какая страшная переменѣ!.. Заплакалъ-бы добрый Цесаревичъ, увидя нынѣ свой вѣрный, злополучный городъ. . Какъ несчастная вдовица, покрывшая главу свою пепломъ, оконечившая отъ осенней стужи, голодная, болѣзненная съ отчаяннымъ воплемъ взывающая къ небу, сиротствуетъ нынѣ этотъ городъ среди своихъ дымящихся развалинъ, умоляя о помощи въ бѣдствіи столь неизмѣримо великомъ... Спѣшите спасти бѣднаго погорѣльца, пока еще время! Одна надежда симбирянъ на благодущныя, неоскудѣвающія щедроты обожаемаго Государя и на сочувствіе всей Россіи.

23 августа 1864 года.

Р. S. Сентября 25 дня 1864 года. Ожиданія симбирянъ сбылися. По Августѣйшей волѣ Государя Императора 25 августа прибылъ въ Симбирскъ генералъ-адъютантъ баронъ Врангель, исходатайствовавшій для бѣдныхъ погорѣльцевъ обильныя монаршія щедроты и совершившій казнъ надъ двумя негодяями. Вся Россія, полная сочувствія, подаетъ руку помощи погорѣльцамъ, отовсюду льются обильныя приношенія. Къ сожалѣнію, виновники поджоговъ еще не раскрыты. Но въ городѣ водворено спокойствіе. Прибытіе по Высочайшей волѣ сенатора Жданова *) для раскрытія злоумышленниковъ уже есть [вѣрное ручательство, что они будутъ обнаружены и не избѣгнуть законной кары.

Заклѣчу разсказъ мой стихами, написанными мною на это несчастное событіе.

Симбирскъ

послѣ пожара въ августѣ 1864 года.

Ряды сожженныхъ стѣнъ, развалины церквей,
И куполы безъ главъ соборовъ,
Пустыя улицы безъ зданій, безъ заборовъ,
Необозримыхъ пустырей,
Гдѣ жизнь кипѣла,—вотъ для взоровъ
Былого города погибшихъ мавзолее!
Ужъ осенъ на дворѣ: дождь, слякоть и морозъ.
Въ землянку кроется страдалецъ безпріютный
Повсюду скорбь и очи полны слезъ,
И нищаго встрѣчаешь поминутно...
Все выжжено огнемъ, злодѣйскою рукой,
Здѣсь полный былъ разгулъ для мстительнаго ляха!
Врасплохъ застигнутый бѣдой,
Два вѣка переживъ, подымется-ль изъ праха
Симбирскъ, поникшій головой?..
Ликуй, коварный жондъ, ты цѣль свою достигъ
Безславную—испепелилъ жилища!
Пусть нѣжится твой слухъ, внимая вопль грудныхъ
Младенцевъ, стариковъ безъ крова и безъ пищи,
Въ подвалъ забившихся, гдѣ въ мракѣ, безъ печей,
Врываясь въ двери, вѣтеръ воетъ,

*) Какъ извѣстно, сенаторъ Ждановъ, возвращаясь послѣ произведеннаго имъ слѣдствія изъ Симбирска, скорпостижно скончался въ Нижнемъ-Новгородѣ.

И въ жалкомъ рубищѣ у женщинъ и дѣтей,
Продрогшихъ тѣломъ, сердце ноетъ...
Но торжество твое минутное: отплатъ
Наступить тяжкій день и день тотъ недалеко!..
Тебѣ проклятiя гремятъ,
И окомъ съ лихвой ты заплатишься за око!..
За что, какъ хищникъ злой, ты мирный городъ сжегъ?
За то-ль, что поляка въ изгнанъѣ здѣсь ласкали,
Что, глядя на него, твердили въ тайнѣ: «Богъ
Караеть и безъ насъ виновниковъ тревогъ»...
И бранью слухъ его ни разъ не оскорбляли?
Иль ненавистенъ тѣмъ, что мы своихъ дѣтей
Благословляли въ бой на грозный штурмъ Варшавы,
Гдѣ, вѣрные Царю и родинѣ своей,
Они стяжали всѣ вѣнецъ завидной славы?
Но тамъ былъ честный бой, а здѣсь, какъ подлый тать,
Невинныхъ ты сгубилъ злодѣйствомъ.
Ты, какъ разбойникъ, здѣсь рѣшилъ длань поднять
На беззащитнаго съ семействомъ.
Внимай-же плачъ и стонъ, но знай: не сокрушилъ
Ты въ насъ могучихъ дѣдовъ силу,
И правнукъ въ памяти и въ сердцѣ сохранилъ,
Какъ Стеньку Разина здѣсь предокъ отразилъ
И Пугачеву далъ могилу...
Смотри: по манію Царя
Его посланники съ привѣтными рѣчами
Къ намъ притекли, и судъ и милости твоя,
Спѣшить Россiя вся, участіемъ горя,
Своими щедрыми осыпать насъ дарами.
Первопрестольная откликнулась Москва,
Къ намъ братски простираетъ руки,
И мнится, льются къ намъ изъ устъ ея слова,
Какъ-бы пророческіе звуки:
«Мужайся и крѣпись, мой нареченный братъ!
Была не разъ, какъ ты, я въ огненной купели,
Но сорокъ сороковъ церквей моихъ гудятъ
Звучнѣй, чѣмъ въ старину гудѣли..
Меня терзалъ и ляхъ, въ меня вломился галль,
Ведя Европу за собою...
Вспылала я... И вотъ унесъ девятый валъ
На скалы, въ глубь морей забытаго судьбою...

А кремль мой цѣль стоять.. Дни бѣдствія прошли..

Гляжу въ грядущее съ надеждой и безъ страха,
И въ императоры для русской всей земли

Вѣнчаю радостно потомковъ Мономаха...

Отри-жъ и ты слезу! Надѣйся и молись

За вѣру и Царя пожаромъ истребленный,

И на костръ своемъ, какъ фениксъ, встрепенись

Для жизни новой возрожденный»!..

Ознобишинъ.

4) Заслушано отношеніе рязанской ученой архивной комиссіи по поводу предстоящей губернской реформы и архивныхъ комиссій. Такъ какъ, по сообщенію предсѣдателя комиссіи В. Н. Поливанова, слухи о преобразованіи комиссій въ смыслѣ ограниченія ихъ компетенцій пока еще неосновательны, то было постановлено, какъ и на предыдущемъ засѣданіи, считать возбужденіе ходатайствъ о нихъ преждевременнымъ, о чемъ и увѣдомить рязанскую ученую архивную комиссію.

5) Доложено письмо предсѣдателя рязанской ученой архивной комиссіи съ предложеніемъ обмѣна дублетами между рязанскимъ и симбирскимъ музеями и заслушана была краткая опись дублетовъ,

1059353